

Красный цвет главенствует над всеми другими в интерьере Большого театра, который после его перестройки, произведенной в середине прошлого века, называли четвертым из золота, снега, пурпура и солнечных лучей. Красный цвет — обивка кресел, большие занавесы сцены и драпировки лож—был особенно по душе тем, кто стал хозяином бывшего императорского театра после Октября 1917 года.

А когда из Смольного в Кремль прибыло Советское правительство, театр превратился в форум революционной Москвы: большого и лучшего помещения для проведения митингов, собраний, съездов в пролетарской столице не было.

...После грандиозного пожара Большого театра, пощедившего только белокаменный восьмиколонный портик, укрывавший со времен Осипа Бова Театральную площадь, его пришлось кардинально переделать. Взявшийся за это архитектор Кавос в первую очередь стремился создать такое помещение, чтобы оно могло противостоять огню, обладало отличной акустикой, способной дать возможность каждому зрителю слышать любое слово, сказанное и пропелто на сцене. Для этого он придумал залу огромной подковы, приставленной к площади сцены, выполнил ее в дереве, как резонатор струнного инструмента, чьи звуки свободно проходят сквозь потолок, затянутый жемчужным холстом. И хотя поклонники классики осуждали Кавоса за отход от первоначального проекта Бова и Михайлова, свою задачу зодчий выполнил блестяще: зал Большого театра считается по акустическим свойствам одним из лучших в мире, каждое слово со сцены доносится до самого дальнего ряда, на любое из двух тысяч двухот мест.

Алые полноты с революционными лозунгами опоясывали в дни съездов весь огромный зал, прикрывая ими позолоту лепнины. Императорская ложа набивалась до отказа, как и все ложи, партер, балконы и галерея-каравей, где можно было слышать ораторов стоя. Рабочие, солдаты, крестьяне в пальто, шинели, телогрейках заполняли не только зал, но и сцену, окружающую трибуну и президиум. В холодные дни Москва, испытывая голод и разруку, не могла протянуть столь крупных здания. Делегаты съездов Советов, члены Всероссийского Центрального исполнительного комитета, депутаты Московского Совета входили в зал в верхней одежде, в изо рта ораторов вырывался, как на морозном воздухе, вместе со словами пар. Но это обстоятельство мало беспокоило тех, кто имел возможность бывать здесь в те далекие годы, особенно в счастливые дни, когда на сцене происходила рать вождя революции Владимир Ильич Ленин. Именно здесь он выступил публично последний раз в своей жизни в ноябре 1922 года перед посланцами московских заводов, фабрик и гарнизонов, собравшимися

на сессию Московского Совета.

Спустя месяц зал Большого театра заполнили посланцы РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказья, чтобы принять Декларацию и Договор об образовании СССР — Союза Советских Социалистических Республик.

Каждый из прибывших в Москву, будь то испытанный большевик-ленинец с подпольным партийным стажем, рабочий от станка или крестьянин от сохи, как писали тогда, понимал всю важность происходящего, каждый пережил мировую и гражданскую войны, испытав потерю близких, голод, холод, разруку, болезни. И все икупалось свободой, той мирной жизнью, которая начиналась в новом государстве—СССР.

Хотя газеты еще сообщали о росте цен, перерегистрации без-

ные пиджаки, рубашки — косоветки, на женщинах — косынки и платки, на делегатах из восточных республик — халаты и тубетайки... Им всем предстояло принять Декларацию и Договор, состоящий из 26 параграфов, один из которых имел особое значение для нашего города, потому что, согласно ему, своей столицей народы всего Советского Союза избирали Москву.

Прохожу между белокаменными могучими колоннами портика, чудом устоявшими во время взрыва фугасной бомбы, пробившей фасад Большого театра в дни 1941 года, и попадаю в вестибюль. Здесь под ногами разстилается, как новые, не испытанные до сих пор металические плитки, уложенные сто тридцать лет назад.

Воздух сюда днем, когда слышен только перестук молотков

сценой Большого театра, иллюстрируя доклад о плане электрификации. Сегодня на схеме Единой энергетической системы СССР превращена советской энергетики за их маломощностью не нашлось места, как не хватало его на картах малым городам... Океан электричества перекатывает свои волны по проходам над всей страной, всеми республиками. В эти декабрьские дни, позвонив на пульт ЕЭС, я узнал, что в единую систему влилась энергия новой Смоленской атомной станции, пущенной в конце года.

Страницы истории

КАК ЭТО БЫЛО

рабочих, о порядке установки в комнатах временных печей, именовавшихся буржуазками, с каждым днем все больше становилось радостных вестей. Как раз тогда московские рабочие получили ключи от первых жилых домов, построенных Московским Советом, ожили Верхние Торговые ряды на Красной площади, ставшие ГУМом, на бывшей свалке у Крымского моста вдоль набережной Москварики лучшие московские архитекторы, истосковавшиеся за годы войн от вынужденного зстоя, возводили, правда пока что в дереве, павильоны выставки, которой суждено было стать Первой всесоюзной. В бывшем Английском клубе на главной улице — Тверской работала выставка «Красная Москва» (давшая начало Музею Революции), все желающие приглашались на симфонические концерты по общедоступным ценам. И вот среди всех этих будничных сообщений наша газета, называвшаяся тогда «Рабочей Москвой», публикует объявление: «30 декабря в 11 часов утра в Большом театре открывается съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик».

На фотографиях конца 1922 года, выставленных ныне в московском музее, вижу хорошо знакомый, почти неизменившийся фасад Большого театра, над портиком которого развеваются красные флаги; протянутое над колоннами красное полотно свидетельствует, что здесь заседал исторический съезд. И тогда многолюдная была площадь перед театром, громыхали трамваи, выхлещли людские потоки. Еще многолюднее было в тот день в самом театре, где собралась свыше двух тысяч делегатов и гости. На фотографиях видно, что на этот раз все проходили в зал, снимая верхнюю одежду. На мужчинах — буднич-

рабочих сцен, а под потолком горит всего несколько ламп, преломляя свет в тридцать тысяч свечей хрусталиков. Недавно здесь светили юпители кино и телевизоры, а зал заполняли участники массовых сцен, чтобы воссоздать силой искусства незабываемый день 30 декабря 1922 года. Снова покрпился уличным зал, снова гремела орация, когда принималось приглашение съезда почетному его председателю — Владимиру Ильичу Ленину, основателю СССР, который в тот день диктовал записки, имеющие прямое отношение к тому, что происходило тогда в Большом театре, — «К вопросу о национальностях или об «автономизации»».

Только к часу дня собрались все приглашенные и к трибуну подошел хорошо знакомый делегатом от Москвы Петр Гермонович Смидович, член партии с 1898 года. Ему, инженеру Раушской электростанции «Общества 1886 года», волею революции выпала честь быть в 1918 году председателем Московского Совета. Смидовичу доверили открыть исторический съезд, потому что он являлся тогда, как писали газеты, «старейшим членом российской делегации». Было ему всего 48 лет. Ныне имя Смидовича носит электростанция, где он когда-то работал. Мощности ее порой едва хватало, чтобы включить лампочки в Кремле и правительственных зданиях, в Большом театре, где заседал съезд, обсуждавший Государственный план электрификации России, знаменитый ГОЭЛРО.

Напротив труб этой электростанции, в самом центре, по другую сторону Москварики находится ныне здание, где в большом светлом зале протянулось по стене громадная схема в масштабе всей страны, показывая на ту, что когда-то висела над

Выйдя из Большого театра, иду по московским улицам и проспектам, по земле района, насыщая сегодня имена тех, кто создавал СССР, кто в исторический день 30 декабря выступил на съезде: Фрунзе, Калинин, Киров...

С Ивановскими ткачами дважды приходил на помощь московским рабочим в дни революции 1905 и 1917 годов М. В. Фрунзе. Год спустя он послан в Москву как ивановский военный комиссар в дни левозерского мятежа. Замечательный в нем полководческий талант Владимир Ильич предложил ему новое приращение — военную деятельность. Под руководством Фрунзе был нанесен последний сокрушительный удар по белым ормиям, завершивший гражданскую войну. Выступая на съезде как прославленный полководец, Фрунзе первым предложил утвердить Декларацию и Договор, отметив историческое значение этого собрания. Има его сегодня носят старинная улица и новая набережная, станция метрополитена и район.

Рядом с улицей Фрунзе — проспект Калинина, того, кто первый скрепил своей подписью исторические документы.

Визу их ксерокопии на плотных желтоватых листах бумаги в музее «всесоюзной старости», как звал народ Михаила Ивановича Калинина. Под № 1 его избрания членом Центрального Исполнительного Комитета СССР, первым Председателем Президиума. Приемная главы государства десятилетия располагалась в угловом доме, в том месте, где начинается ныне проспект Калинина и находится станция метро «Калининская».

От нее поездом за несколько минут попадаешь на «Кировскую». Выйдя из станции, видишь

картину, которой бы так порадовался Сергей Миронович Киров: строится новый московский проспект, прокладываемый в том же направлении, по которому идет старинная улица, носящая имя Кирова. Задуманными создателями первых генеральных планов советской Москвы, этот проспект начат в тридцатые годы. Тогда знаменитый архитектор Корбюзье спроектировал для него громадное здание из стекла и бетона (ныне ЦСУ). Одним фасадом оно выходит на улицу Кирова, другим — на Новокосинский проспект. Пройдя сюда, видишь, что движение машин по нему уже открыто от площади трех вокзалов до Садового кольца. Тут недавно проложен переулок, снесены два старых дома, претерпевших путь проспекту к центру, где трасса от Садового кольца до Бульваров была пробита еще до войны. Сегодня самая большая стройка центра столицы — здесь. Сооружаются три высотных здания международных Банков, облицован белым камнем вычислительный центр. Крупное здание поднялось над улицей Кирова и Бульварами, рядом с ним возводится еще одно общесоюзное министерство, образуя крупный деловой центр столицы СССР.

Выступая на съезде, С. М. Киров, будучи уверенным, что вскоре «нам станет тесно в этом прекрасном блестящем зале» Большого театра, от имени вакинских пролетариев предложил возвести в Москве «дворец рабочих и трудящихся крестьян», украсив им центр города. Как и все большевики, он жаждал строить. Воздвигнут в Кремле дворец, о котором мечтал Киров. Выстроен рабочий дворец у бывшего завода «АМО», нынешнего ЗИЛа, где собран первый советский грузовик, выстроен дворец и у другого автозавода, выпускающего «Москвичи»; появились дворцы и у других заводов, возникших в Москве после образования СССР.

Выступая на съезде и делегат от Украины — «т. Одинок, крестьянин Черниговской губернии». Он предложил основать здание, где крестьянство сможет «черпать всю наивысшую науку», необходимую ему. И съезд решил учредить в Москве институт сельского хозяйства с отделением во всех республиках. И это исполнено. Вблизи улицы Кирова, в тихом переулке, в старинном дворце располагается Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук СССР имени В. И. Ленина, созданная в Москве в конце двадцатых годов. Ее региональные отделения охватывают земли всего СССР; институты, опытные станции, хозяйства этой академии расположены во всех союзных республиках. Сотни научных институтов, лабораторий, центров появились в столице с филиалами и отделениями по всему Союзу. Москва делит все, чтобы оправдать положение столицы. А таковой она стала в день образования СССР. Двадцать третий параграф Договора гласит: «Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва».

Значит, у Москвы — двойной праздник.